

**Аркадий
Первенцев**

МОЯ ВОЙНА

«Тыловые крысы»

**Война
срывает
все
личины**

Аркадий Первенцев

**«Тыловые крысы». Война
срывает все личины**

2021

УДК 94(4)"1939/45"
ББК 66.3(2)6

Первенцев А. А.

«Тыловые крысы». Война срывает все личины /
А. А. Первенцев — 2021

ISBN 978-5-00180-184-9

Аркадий Первенцев – русский советский писатель, сценарист, драматург и журналист. В годы Великой Отечественной войны он служил политработником РККФ, имея звание капитана 1-го ранга. Вместе с Евгением Петровым (соавтором Ильи Ильфа), попал в авиакатастрофу, чудом выжил.

В повестях и рассказах, написанных в советское время, Первенцев не писал о том, что ему довелось видеть в тылу в годы войны. Всю правду об этом он открыл только в своих мемуарах. «Война срывает все личины», – говорил Первенцев, и, читая его воспоминания, понимаешь, что он имел в виду. В критические моменты войны в тылу происходило порой из ряда вон выходящее. Известные политики, деятели культуры, «властители дум» часто представляли с неприглядной стороны, – не случайно в народе они получили прозвище «тыловые крысы». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(4)"1939/45"

ББК 66.3(2)6

ISBN 978-5-00180-184-9

© Первенцев А. А., 2021

Содержание

Накануне войны	6
Тупоумие всегда чванливо. Письмо главе Москвы	6
Склоки вокруг Маяковского	9
Офицеры. «Я опасюсь силы Германии»	10
Эмигранты. Гитлер	12
«Мы не можем популяризировать космополитов»	15
Новый класс серого дворянства	16
1941 год	17
Началось!	17
Речь Черчилля	19
Бомбежки Москвы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Аркадий Первенцев
«Тыловые крысы». Война
срывает все личины

© Первенцев А. А., правообладатели, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Накануне войны

Тупоумие всегда чванливо. Письмо главе Москвы

25 января 1941 года

Несколько дней отдавливал диван в приёмных Моссовета. Всё насчёт квартиры. Ничего не получилось. Пронин категорически отказывается меня принять. «Мне надоели писатели, – сказал он, – они просят о жилплощади...»

Ниже я публикую открытое письмо – неотправленное письмо – председателю Московского совета В. П. Пронину.

«[начало отсутствует]. ...слишком загружен, чтобы заниматься литературой, родившей и Вас, товарищ Пронин, сделавшей и Вас, этого маленького, с короткими ногами, лысой головой и красным лицом человека, государственным мужем, окружившим себя сонмом помощников, заместителей и секретарей.

Я помираю в жутких жилищных условиях, это видно из решения Президиума Союза Советских Писателей, Президиума, далеко не одинаково хорошо ко мне относящегося. С 1929 года я жил так, как мог жить только мой прародитель – пещерный человек, как могли жить жители зачумлённого гетто капиталистических городов мира, как могли жить тьянзинские припортовые китайцы, как могли жить негры, выгнанные уже пять лет со своих предприятий и питающиеся подажаниями...

Так я жил с 1929 года и не роптал, гражданин Пронин... Потом так стало жить невозможно... Хижина моя пропускала ветры и влагу, зимой в неё врывались клубы пара, подушки и простыни были сыры, под ногами иногда бегали мыши...

Я обратился в свой Союз, думая, что мои последние заслуги перед литературой помогут мне добиться человеческих условий. Союз разрешил мне занять две комнаты дачи. Две спорные комнаты, как будто отравленные ядом. Из-за них меня четвертовали по всем правилам сложной иезуитской науки наших дней. Меня опозорили решениями того же Президиума, меня оклеветали, на меня ополчили всех затхлых литераторов, в груди которых вместо сердца догнивала репа, облитая соляной кислотой и желчью. На меня ополчили ненавистников моего успеха с расчётом убить меня морально, поскольку не удалось убить физически.

Не все ополчились на меня. У меня оказались друзья и среди этого затхлого мира, который история называет Союзом советских писателей. Эти друзья поддерживали меня, и я глубоко благодарен им за большие и малые крохи внимания и поддержки, которые они оказывали мне. Некоторым из них я нравился как человек, некоторые любили литературу и считали меня полезным деятелем её, некоторые видели во мне человека, которого убивает ненавистная им группа узурпаторов, главенствующая в это время в Союзе...

Вы, городской голова, Пронин, отказали мне в приёме. Вы не нашли возможности, стоя у стола, уделить мне пять минут. Я прощаю вам это. Это лишнее доказательство того, что я нужен народу, и это приближает меня к моему народу, который, конечно, вы не допускаете даже до своего раззолоченного порога, сделанного руками этого народа, до своих ковров, небрежно брошенных на пол, вытканых руками трудолюбивых женщин моего народа-творца... Я ближе к ним, гр. Пронин, чем вы... И я горжусь этим. И это придаст мне бодрости и освежит ум мой. Вы меня не убили этим, городской голова Москвы.

Мне сказали, что вы страстный любитель футбола. Мне сказали, что, не читая книг, вы иногда бываете на стадионе «Динамо» и жадно следите за тем, как чьи-то чужие и мускулистые ноги (которых у вас нет), чьи-то копыта на глазах пятидесяти тысяч зевак колотят кусок кожи,

покрывшей надутый резиновый шар... Вы бешено аплодируете им своими маленькими красными ручками, хохочете, вам подхихатывают ваши придворные льстецы, и вы горды тем, что вы наконец-таки человек государственного ума, познавший творчество копыта. И вы раздаёте квартиры, роскошные квартиры футболистам. Вы принимаете их и говорите с ними, ибо в разговорах этих вы чувствуете себя равным – ведь очень просто отличить пенальти от корнера и хавбека от центра защиты. Вы щедро раздаёте квартиры этим мальчикам с тупыми затылками и крепкими ногами и гордитесь, что вы – меценат искусства. Они ездят за границу, и если встречаются не с клубной рабочей командой, а с более или менее приличной командой профессионалов, их бьют. Бьют лучшую команду страны, так роскошно благодетельствованную вами. Вы их пресытили, гражданин городской голова Пронин. И поэтому их побеждают. Но над головами футболистов, выше ничтожного мяча, который вы боготворите, летят десятки тысяч снарядов наших книг, которых вы не видите, как свинья, которая не видит дуба – отца желудей, кормящих её утробу.

Из литературы (простите за грубое слово) я узнал, что цари России принимали поэтов и писателей. Из истории мы знаем, что в период царизма наша родина дала миру гениальных творцов – писателей, поэтов, художников... Это получилось не зря. В этом невиновна какая-то «планида», которая тогда была ближе к земле и таким образом излучала какой-нибудь гений-гелий на мозги живущих и тем оплодотворяла их. Цари всегда принимали творцов. Цари при всей тупости их, товарищ Пронин, принимали творцов, ибо они знали, что творцы переживут их, чиновников, управляющих государством, и они знали, что они ниже их, и поэтому старались показать Истории, что они поощряли искусства. Так и получилось...

Мало того, цари сами вызывали к себе писателей и беседовали с ними. Цари знали, что вырастить мозг, являющийся гордостью родины, – не вырастить кочан капусты. Что здесь ни излучением «планиды», ни суперфосфатами не поможешь. Цари берегли творцов и прощали им даже прегрешения. Поэтому мы являемся свидетелями того, что до нас дошли величайшие творения искусства (конечно, мало известные вам или известные понаслышке), в которых мы поражаемся чистоте и... демократизму.

Цари желали преуспевания своей родине и смирялись даже с творчеством не угодных им по политическим соображениям, но могущих увековечить славу их родины. Они знали, что имена даже знаменитых футболистов потускнеют с веками. Что имя футболиста уходит вслед за уходом их вещественного обладателя, а имя писателя, имя творца при наличии, конечно, настоящих произведений с годами сияет всё больше и больше... Они понимали это...

Но, вероятно, городской голова не понимал этого и в старое время. Он тоже был чиновник, такой же, как и вы, и он по узости своего мышления считал себя оскорблённым тем, что существуют люди, выше его стоящие по уму, в то время как он выше их стоит по должности. «Этого не должно быть...» Тупоумие всегда чванливо. Тупоумие, облечённое властью, подобно чёрной оспе...

Жаль только, что эти истины вы узнаете только тогда, когда вас отстраняют от власти и вы превращаетесь в дворника или в лесоруба на Крайнем Севере. Но вы знаете отлично, что у вас не отнимут власти, если вы не примете писателя, и потому вы гордо заявляете: «Не приму. Надоели они мне...» Так повторяют за вами и ваши заместители и помощники.

Мне пришлось говорить с вашим помощником Петровым. Это молодой, неумный, но крайне самоуверенный субъект, который далеко пойдёт в наше время. К нему ещё не раз придётся обращаться писателям. Этот Петров нагло говорил о писателях, нагло вёл себя. Я был перед ним не писатель, а назойливый проситель, которого он со спокойной совестью продержал в приёмной три часа. Петров вам, конечно, нравится. Петров имеет чудную квартиру, дачу и т. п. Это ваш стиль работы и отношения. Но вы не понимаете одного с Петровым, того, что не понимал и ваш предшественник – городской голова до 1917 года, что вы – чиновники, вы уйдёте, про вас забудут, но писатели останутся, хотя бы вам и удалось их физически истребить.

Довольно, всё равно вы этого не поймёте. Всё равно вы подумаете, что какой-то не известный вам писатель Первенцев в вашем лице хочет поколебать основы власти. Вы, как щедринский градоначальник, можете это подумать, я уверен в этом, но вы ошибётесь...

Вы не являетесь представителем моей страны, и поэтому я спокоен. Я говорю с чужими людьми. Много вас ушло на моём коротком веку. Много ещё уйдёт. И мне безразлично, поймёте ли вы когда-нибудь, что вы глупец и зазнайка! Безразлично потому, что вы мелочь, копейка, которую, когда теряешь, не нагнёшься, чтобы не беспокоить свой радикулит. Я высказался, и мне легче, городской голова 1941 года Василий Прохорович г-н Пронин...»

* * *

Я написал письмо Щербакову А. С., секретарю МК ВКПб. Щербаков не имел времени прочитать его, и какой-то секретаришко механически переотправил его опять тому же В. П. Пронину. Щербаков – тот же городской не голова!

Склоки вокруг Маяковского

2 февраля 1941 года

Вчера мы с Верочкой были у Маяковских. По-прежнему идут гнусные склоки вокруг Маяковского. Вероятно, фигура Маяковского вечно будет кислотна.

Группа Бриков бешено борется за поэта. «Брики воспитали его, Брикам почёт и деньги». Исторически это не так. Брики, уловив в свои отравленные западни Маяковского, отлично знали, что поэт будет доходен для славы и денег не только при жизни, но и после смерти. Теперь же эта посмертная доходность уходит из их цепких рук. С опытностью торгашей-семи-тов Брики вырываются на гранитный пьедестал. Они ведут отчаянную борьбу. Они наглы, лживы, бездушны. Это семья типичного жулья, распродающего душу и тело. Брик, продавший жену, продаёт её и теперь, но её потускневшее и обтрёпанное тело находит всё меньше и меньше покупателей. Её купил Катанян. Но это шенок. Предпоследний муж Лили Брик – Примаков – был расстрелян.

Брики, безусловно, добились Маяковского, боясь, что если он ещё дольше проживёт, то начнёт терять цену. Они знали, что живой М. мог уйти от них, мог исписаться и т. п. Поэтому сделавший достаточно для вечности поэт, достаточно для посмертных дивидендов был убит.

Когда после смерти М. его акции упали, Лиля написала письмо Сталину, которое было передано через Примакова. Сталин написал свою знаменитую резолюцию, переданную им Ежову, бывшему тогда в Комиссии партконтроля. Ежов от ЦК передал это в «Правду». Лилею Брик, судя по её словам, вызвал личный секретарь Сталина Поскрёбышев, обласкал её от имени вождя и первой сообщил ей мнение вождя о Маяковском.

Брики считают всё это своей личной заслугой и хотят присвоить поэта себе, в то время как гораздо целесообразней, чтобы М. принадлежал всему народу и не был игрушкой и золотой монетой в руках безусловных и доказанных проходимцев.

Борьба вокруг М. наносит большие раны семье поэта, в особенности тётке – Александре Алексеевне. Разные люди, искренние и плуты, крутятся возле них, используя авторитет семьи М. прежде всего в своих личных целях...

Если бы у нас хотя бы относительно было свободно опубликовать в печати, я решился бы написать десятилистную повесть о поэте. Но не хочется работать для огня, для поленницы берёзовых сырых дров, кои растопят моей повестью...

Офицеры. «Я опасуюсь силы Германии»

5. II.41

Приехал из Севастополя Ваня Сухомлин. Мы сидим в ресторане «Метрополь» за круглым столиком невдалеке от бара. Я, Шабанов, Ваня Сухомлин, а позже приехавший от студентов-избирателей Степанченко. Мы пьем водку, понемногу пьем нарзан, Степанченко только вино. Мы едим шашлык, он «молодку», т. е. курицу.

Степанченко сосредоточен, боится быть до конца искренним, а поэтому грубит. Он серьезный и испытанный воздушный полковник. Лицо его уже помято волевыми, несколько саркастическими складками. Темно-бронзовые волосы редуют. Степанченко нарочито хочет не показать себя ниже кого-то, держится с достоинством, даже с некоторым натянутым достоинством. Он не раскрывает своего сердца и вуалирует его умышленной грубостью и шуткой. Это человек, который уже не сразу раскрывается, и, очевидно, нужна большая товарищеская связь, чтобы этот подтянутый наружно и внутренне солдат раскрыл свою душу.

Он бывал в Париже, в Берлине и в других городах. Говорит об этом только к случаю, сдержанно и скупно. Степанченко, безусловно, культурен, с каким-то внутренним надломом, неудовлетворенностью. На груди его три ордена. Последний – Красное Знамя – он получил в Финляндии. Степанченко не говорит о своих подвигах. Он вообще не хвалит себя и меньше всего занимается своей персоной. Это импонирует больше, чем рассказы о своих подвигах и чисто военное гаерство, к которому склонны некоторые штафирки, случайные люди фронта и боёв.

Сухомлин испытывает истребители. Он ещё долго пробудет в Москве. Он покраснел, налил ещё больше соками жизни, погрубел и как будто стал (внешне) более испорчен. Прежняя наивная простота, простота ребёнка, почти сошла с него. Постепенно с него сдирают чешую. Сухомлин приближает к типу Степанченка, которого уже давно ободрали со всех сторон, как «снаружи, так и внутри». Вскоре у Сухомлина прибавятся эти жестокие и одновременно трагические складки Степанченка. Во всяком случае, сейчас я не нахожу уже многих наивных и прелестных черт прежнего Вани. Так постепенно жизнь обдирает милые побег юношеской душевной свежести. Откуда это? От профессии вечного воздушного акробата, играющего с жизнью своей без верёвочной сетки? От тех невзгод, которые пронесли над его головой, – невзгод, склок и сплетен, которыми были наполнены его письма, вернее, горечью которых? От вновь познаваемой житейской мудрости? Я пытаюсь разгадать это. Он помрачнел. Орден Ленина, похожий на кустарную игрушку, поблёскивает на его морской командирской форменке.

Ваня смотрит на танцующих у фонтана пьяных лейтенантов, нагибается ко мне.

– Офицеры, – шепчет он.

Играет джаз. Красивый дирижёр с лицом, точно вылепленным из пластилина, с заученно поблёскивающими зубами взмахивает руками. Смокинг поблёскивает на спине и боках. Полтора десятка евреев бьют по барабанам, играют на скрипках, дуют в трубы, издающие резкие звуки, к которым люди привыкли уже, как к алкоголю. Лейтенанты пляшут, положив подбородки на плечи пьяных девушек. Вспыхивают гигантские подсвечники – люстры кабака, подсвечники, точно перенесённые из Геркуланума и Помпеи.

– Офицеры, – снова говорит Ваня.

– Пьяные, страшные офицеры, – говорит Степанченко.

Ваня смотрит на всю эту пляшущую толпу, на вскрики джаза, на цыган из хора, свесившихся с верхних антресолей, на люстры Геркуланума.

– А если тут снова застучат приклады солдат?

Ст<епанченок> серьёзно смотрит на него, на меня, оставляет тарелку, опускает глаза.

– Вряд ли нам будет от этого лучше, – говорит он.

Мы замолкаем на три минуты. Каждый думает своё, но оно сходится. Самое страшное, что у людей сходятся мысли.

Я чувствую, что мы, все четверо, – солдаты этой революции, что мы отвечаем за всё, что вокруг, что с нас спросят с первых, и поэтому молчим три минуты.

Нам не безразлично, погаснут или нет эти подсвечники Помпей, засыпет ли их пылью грубых солдатских сапог. Батальон, который стукнет здесь о пол прикладами, будет батальон нашей смерти. Каждый думает, делал ли он преступление против идеи, и каждый говорит себе – «нет». Почему? Потому что все мы, сидящие здесь – три коммуниста и один б/п, – безусловно, кристально чисты...

Говорили о проблемах войны.

– Я боюсь, что Германия и Англия заключат соглашение, – говорит Ваня, – соглашение за счёт нас и Франции. Я боюсь столкнуться с Германией...

– Она размахивает самолётами, – говорит Ш<абанов>, – у неё столько самолётов, что она может размахивать ими, держа их в обеих руках.

– Мы тоже скоро будем размахивать самолётами, – говорит Ваня, – все игрушечные артели делают детали машин. «Ростсельмаш» делает самолёты, «Саркомбайн» делает самолёты, «Коммунар» делает самолёты. Все делают самолёты. Каждый колхоз<озный> двор чуть ли не приспособлен под аэродром. Но я боюсь, что мы быстро стареем... на глазах. Я опасюсь силы Германии. Я буду драться за свою страну, как чёрт, но я боюсь организации, она может подвести...

Финны всадили нам нож в нашу трещину, и до сих пор, кажется, они ковыряются в ней. Никакими юбилеями не заизвесткуешь этой трещины. Надежда на то, что усталые народы Европы устроят социалист<ическую> революцию, но наш пример уж слишком мало оказался убедителен. Обнищание природных богатств русского народа настолько показательно, что делается не по себе... Идёт борьба двух систем...

Эмигранты. Гитлер

11 февраля

Мир полон неожиданностей, в особенности мир войны и печали...

Мы полны предположений и живём в плену их.

Никто не знает, что будет в самом недалёком будущем.

Каждому хочется знать – каково будет это будущее.

Раньше будущее благополучие страны или её неблагополучие не ощущались как состояния, адекватные личному.

Теперь на опыте войн и революций (с 1917 г.) все знают, что с разрушением применительной организации разрушается личное благополучие. Пора надежд на взлёты прошла, наступила пора угрозы падения.

Так ощущаются космические события, которыми сейчас охвачен шар земли.

Какими наивными кажутся бедствия апокалипсиса по отношению к существующим бедствиям. Глад, гнус, потоп и т. п. Ерунда... со всем этим люди научились бороться...

Мы сидим на втором этаже Дома творчества. Я, Вилли Бредель, фрау Лили Бехер и ещё один молодой немец – специалист горнолыжного спорта. Вилли принёс бутылку вина, мы говорим о судьбах мира.

Сосны, которые качались на уровне стёкол во время боёв в Финляндии, снова так же спокойно раскачиваются, отряхивая мокрый снег со своих зелёных ветвей...

Я вижу перед собой представителей Германии, которая сейчас потрясает миром.

Меня интересуют эти люди – представители коммунистической Германии, бежавшие в коммунистическую Россию.

Эти люди – эмигранты. Но они немцы. Они скрытно радуются победе германского оружия, победе организованности своих соотечественников, их мощи, но одновременно они не могут радоваться.

Побеждают, владеют оружием, поражают фашизацией их политические враги, использовавшие до предела потенциальную мощь нации.

Победа тех – их поражение.

Они говорят:

– О, если бы то, что у них, у нас!

Они думают, что это возможно, но не их ли политические враги сумели поднять потенциальную мощь нации? Может, здесь победа той системы?

Они беспомощны в своих предопределениях. Они предсказывают то, что нужно им, и в этом слабость их предсказаний.

Я пью русское вино, вино, выдвинутое из виноградников моей родины, и наблюдаю за стальным и коротким Вилли, немцем, похожим на снаряд. Такими можно заряжать дальнобойные батареи, установленные на берегах бывшего французского Ла-Манша.

Я пью терпкое тёмное вино из Анапы и смотрю на экспансивную немку Лили, эрудита и болтуна одновременно.

Я смотрю на худого молодого берлинца, похожего на германского лейтенанта...

Я невольно сравниваю их – эмигрантов со своими соотечественниками, трусливо уплывшими из горящего Крыма.

Они сидели так же где-то на вторых этажах парижских домов и ждали, когда падёт их родина, Россия.

Они были полны злопыхательства и считали моральным и честным желать того, чтобы миллионы их сограждан были уничтожены солдатами чужой национальности, снарядами, выточенными на чужих заводах.

Личное благополучие было выше благополучия их родины. И их проклинали народы героической России.

Эти немцы желают поражения своей Родине. Они не верят, что корпуса Гитлера вторгнутся в Англию, не верят в то, что Германия может выдержать экономическое напряжение... Им хочется, чтобы Германия была как можно больше обескровлена, побеждена и... Тогда навстречу британским и американским армиям выйдут армии Советской России. России, которая поддержит советскую власть Германии.

Они охотно отдают миллионы русских жизней за счастье обновлённой своей родины. Снова повторяется фарс сотворения революции чужими руками.

Почему мы сами сделали себе советскую власть? Почему рязанцы и ставропольцы сами устилали трупами своими поля сражений?

Немцы, сидящие передо мной, этого не понимают. Они ждут от нас помощи, от наших крестьян. Снова повторятся швейцарские походы Суворова и прусские походы Кутузова.

Они говорят, что в Германии в прошлую войну только на одном заводе, где работал Вилли, делали семь-восемь комплектов арматуры подводных лодок. Он считает, что сейчас делают больше. Следовательно, Германия сильна, а поэтому она должна быть сильнее обескровлена.

Они ждут падения Германии Гитлера. Они рассказывают мне анекдоты про Гитлера.

Гитлер стоит перед своим портретом.

– Что мы будем делать, когда придут коммунисты?

– Меня снимут, – отвечает портрет, – а тебя повесят.

Гитлер приходит к ворожее в форме шофёра.

– Скажи мне мою судьбу.

Она смотрит на руку.

– Судьба плохая, не могу сказать.

– Говори, – просит Гитлер.

– Хорошо, – соглашается гадалка и берёт его ладонь, – во-первых, у тебя не хватит бензина, во-вторых, сломается ось, в-третьих, отберут права водителя (вождя).

Гитлер звонит Муссолини.

– Аллю, вы что, уже в Афинах?

Муссолини:

– Аллю, аллю! Что это вас плохо слышно, разве вы уже в Лондоне?

Англичане дают сводку о боях в Ливии.

– Взяты в плен 200 итальянцев и 50 ослов. Ослы оказали сопротивление.

И т. д.

Они беспокоятся о походе Гитлера через Балканы в Турцию. Симптомы налицо. Англия порвала отношения с Румынией и отозвала своих послов, и, говорят, в Болгарию введены немецкие войска. Неудачи Муссолини должны быть как-то локализованы Гитлером, имеющим под ружьём огромную и пока бездействующую армию. В войну СССР и Германии они не верят. Так же, как и все, опасаются соглашения Англии и Германии. Сегодняшние заигрывания с Англией (посещение корр. ТАСС Лондонской прожекторной батареей) симптоматичны.

Ведь СССР находится в положении выгодной невесты, которая пока что может выискивать себе жениха по своему усмотрению.

Я ушёл от немцев неудовлетворённым и неуспокоенным.

Все мы живём в мире предположений...

«Мы не можем популяризировать космополитов»

11 февраля

Мне передали сегодня, что Сталин в присутствии членов Политбюро сказал: «Мы недостаточно популяризируем возможности национального чувства. В любые времена истории чувство национальной гордости играло огромное значение.

Мы не можем популяризировать космополитов, людей, не любящих родину, ведь недаром нам так много изменяла еврейская интеллигенция».

Говорят, что Сталин не любит Фейхтвангера, особенно после беседы с ним и книги его, опубликованной в 1937 году.

Как я понимаю, Сталин хочет, чтобы родина была защищена, и он хочет найти те слои населения, которые будут защищать родину, т. е. ту страну, которую они считают своей и которую любят независимо ни от чего...

Он потребовал отметить в советском искусстве Ивана Грозного. Это показательно...

Новый класс серого дворянства

17 марта 1941 года

Вчера меня позвал голос моей нижней соседки Матильды Осиповны Юфит. Я спустился. Возле лестницы внизу стояли Вирта с женой, мрачный самодовольный нижний сосед – Нилин. «Мы получили Сталинские премии», – сказали они и улыбнулись.

Я посмотрел на них. Я понимаю, Сталинскую премию выдали Вирте. Всё же он кое-что сделал для литературы, но Нилин... Этот делегата из мелких журналистов и из мелких воришек Сибири всегда наполнен жаждой славы. Будучи вором, он ненавидел крупных налёгчиков за большую славу их, будучи агентом угрозыска, он ненавидел своего начальника за власть над собой, будучи журналистом, он ненавидел писателей за их славу. Никого из людей он не считает достойным иметь то, что они имеют. Всё, кажется, ему распределено незаконно. Люди получили ордена – незаконно, Павленко и Вишневский имеют славу – незаконно и т. д.

Он ночами и днями просиживает стулья и ломает карандаши – пишет, пишет и пишет... Для чего? Для того чтобы увековечить славу народа? Нет. Для того чтобы рассказать людям о том, что он знает? Нет. От переполнения материалом? Нет. От любви к русской литературе? Нет. Только чтобы как-нибудь прославиться, выдвинуться, стать выше хотя бы на административной литературной лестнице СССР.

Он ненавидит известных писателей, он говорит о Серафимовиче: «Это же не русский писатель, это ерунда». Он только в этом году прочитал его, так же как и Шолохова. Вообще ему не остаётся времени читать других писателей, раз имеется Нилин.

Я живу над ним в злополучной даче № 23. Я изучаю его. Я поражаюсь: неужели в лице его рождается этот новый класс серого дворянства, который засосёт наши одряхлевшие революционные идеи? Нилин развёл дворню и гордится этим, он пытается заполучить знакомства из высокопоставленных особ, он порвал со своими старыми друзьями, ибо они недостойны его, ибо стоят ниже его на иерархической лестнице. Он не прочь с демократичностью барина заигрывать с престономародьем и после рассказывать о своей демократичности.

Я наблюдал, с какой головлёвской озлобленностью и человеконенавистничеством он выселял живущих в даче Чуносовых – сторожей. Когда умирал старик Чуносов, он ханжески жалел его и одновременно желал его смерти; когда вдова осталась одна, он проявил бездну изобретательства и маккиавелизма, чтобы выбросить её на улицу.

Это человек, который может свободно зарезать другого человека, вплоть до своей родной матери, и, спокойно отерев нож о полу пиджака, сказать: «А жаль было старуху, ведь старуха была необыкновенной силы...»

Я боюсь этого соседа. Он пробуждает во мне мистический ужас. Я не могу встречаться с ним. Я робею. И эту, вероятно, робость он расценивает как преклонение перед ним или как зависть. Не знаю...

Я боюсь рождения на нашей земле вот такого мрачного поколения людей, безыдейных, похожих на погромщиков, на охотнорядцев. Только преступная среда могла выбросить на арену жизни такого человека, лишённого основных моральных качеств и завуалированных умно и хитро...

При встрече с ним хочется втянуть голову в плечи, ибо так и ждёшь, что он трахнет тебя по голове, он или его сообщник, который стоит за его спиной.

1941 год

Началось!

22 июня 1941 г. Переделкино

Сегодня в 10 часов утра я лежал, страдая от ишиаса, на кровати. Верочка у окна читала Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня». Во двор дачи один за одним прошли Нина Кирилловна, бухгалтер Дома творчества, Юрий Либединский и его жена. Через несколько минут к нам без стука врывается Нилин в голубом халате и с серым лицом.

– Мы воюем с Германией. Была речь по радио Молотова...

Он побежал вниз, где уже находились Либединский и другие.

– Немцы бомбили Киев, Каунас, Житомир, Севастополь и другие города...

Стало холодно и страшно. Ясно подошла война.

Тревога была написана на всех лицах. Всё было неожиданно и стремительно страшно. Началось! Великое испытание кровью. Я знал, что такое война, она как бы вернула мне молодость, но потом холод пополз по мне...

Верочка была бледна и расстроена. Я видел в уголках глаз её слёзы. Война! Война с противником, победно прошедшим всю Европу. Молотов говорил о Наполеоне. Аналогия с Наполеоном. Но тогда мы вели отступление до Москвы...

Прибежал Шмулевич. Он был расстроен. Мы решили ехать в Москву. Впервые слушали передачу речи т. Молотова. Это документ начала великого испытания Родины. «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В 4 часа пришёл Николай Иванович. Он быстро наладил машину. Подъехали к Дому творчества. Алёша Овчинников уложил матрасы и вещи в эмочку, собирается увозить семью в Москву. Почему? Готовится к призыву.

С нами едет Паустовский. Он слышал речь Гитлера: «...большевики не выполнили пакт, не возвратили Германии пять линкоров, которые строились на их верфях... я уничтожу это жидовско-коммунистическое государство».

Уже стоят зенитки. Ничего не напоминает войны. Прохладный день, облачка на голубом прохладном небе, твёрдое чистое шоссе.

Мы летим быстро. Вот и Москва. На улицах у магазинов мы видим первые очереди. В остальном – всё по-прежнему...

Решили заехать к Маяковским, поддержать дух. Мы застали их всех дома. Оля занавешивала окна. Все расстроены. Даже вечно сильная духом Оля. У тёточки красные глаза и полосы на щеках. Я поцеловал её, почувствовал её горячие губы. «Пришло время погибать», – сказала она. Я утешил её, но мало помогло. Люда бодрится, но тоже ей нелегко...

На улицах уже появились люди в противогазах. Дворники надели тоже противогазы и чистые фартуки. У бензоколонки заряжают бензином санитарные легковые машины. Милиционеры с противогазами.

На Центральном телеграфе полно народа. Жарко. Потно. Оказывается, очереди в сберкассу. Встретили знакомого капитана Г.Б. Он одет под иностранца. Говорю ему: «Что же такое?» Он: «Сейчас сдал Советскому государству 7000 рублей и даю подписку, что до конца войны, до победы не возьму их». Я: «Но нужно сделать это достоянием гласности». Он: «Если они поворотливы, сделают выводы». Адресовалось работникам сберкасс.

Ехали в Переделкино, когда уже блёк день. Надо было засветло добраться до дачи. Шли красноармейцы, молча, с касками на походных ранцах, с привинченными штыками. Верочка заплакала. Ребята шли молодые, белозубые.

По Можайке везут укрытые чехлами зенитные четверные пулемёты. На грузовиках-трёхосках – ящики с патронами. На ящиках – свежие клейма. Везде много праздного народа. Весело. Много пьяных. Это уже возмутительно.

Дома завесили окна. Шмулевич пришёл с женой и ребёнком. Он выпил. Ему, видно, тяжело. Жадно узнаёт новости. Новостей мало, но все ждут и впитывают всё, как губки. Попили чайку. Уверения в нашей победе. Я не сомневаюсь, что должен победить наш великий народ. Что наш народ должен победить. Хотя все знают, что это достигнется большой кровью.

Были сообщения англичан о нашем налёте на Восточную Пруссию. И даже на Берлин. Сегодня все ожидают налёта на Москву. Есть уверенность, что этого не произойдёт. Народ сплачивается для борьбы. Мы вступили в страшную, отчаянную войну, в войну, которой не знал мир за всё время своего существования.

Ночь. Слышно, как по шоссе с рокотом, как от прибоа, ползут, ползут и ползут танки...

Речь Черчилля

23. VI. Переделкино

Вчера уже стало известно, что нам объявлена война Румынией, Италией, Финляндией. Вчера германское посольство выезжало из Москвы. Они грузили чемоданы на мелкие и большие машины, и проходящие люди сучили им кулаки.

Вчера стало известно, что Киев бомбили предательски. На крыльях бомбардировщиков стояли красные звёзды. Жители Киева не могли, конечно, догадаться, что на их мирный город налетели немцы пираты.

Вчера с нетерпением ждали выступления Черчилля. Сегодня речь его опубликована в газетах. Черчилль выступил за нас. Англия за нас. Народ нашей страны вздохнул несколько свободней.

Я ещё не видел газет. Радио передавало об ожесточённых боях на границах. Сейчас там льётся кровь. Говорят, было наше нападение на Восточную Пруссию с хорошим успехом. Немцы говорят, что мы там потерпели поражение. Сводка нашего главного командования скупа и немногословна. По стране прокатились митинги. Народ поднят. Мобилизация идёт. Под ружьё ставят людей от 35- до 18-летнего возраста.

Предполагаемого налёта на Москву не было. Ночью ползли по автостраде танки. Рокот их слышен был и сегодня до двенадцати. Мимо нас провозят грузовики с патронами. Зенитки полукругом опоясали Переделкино.

Пока настроение народа патриотично и бодро. Встречаются, правда, хлюпики. Расстроенным, чуть ли не со слезами на глазах, уехал на призыв Шмулевич. Но его, вероятно, не забьют... У него остаются жена и ребёнок.

Живём в недоумении, ибо почти ничего ещё не знаем. Хорошо, что с внешним миром нас связывает радио. Помню, как мы сидели у приёмника Стреблова в Царском Селе во время начала Второй мировой войны. Тогда горели польские границы, рушились Калиш и Ченстохов, теперь разрушаются наши города – плоды сурового труда народа-борца, плоды его невероятных лишений. Я ненавижу войну, уничтожающую ценности, созданные человеком. Злой дух Гитлера носится над моей Родиной. Что несёт нам этот страшный год?

В городе очереди опять. Гитлер бьёт нас в тылу кошёлкой. Как этого не понимают люди? Хотя и винить не приходится. Слишком памятливы всем тяжёлые дни голода и недостатков. Слишком мало светлых дней в нашей истории, чтобы они запомнились больше, нежели плохие!

...Прочёл речь Черчилля. Благородная речь. Она поддержит моральный дух в стране. Правда, он говорил много подобных речей, но эта лучше всех, ибо она говорит, что мы не одиноки в своей исторической борьбе.

Приходили студенты. Жадно слушаем все новости. Здесь мы, как в темнице.

Говорят, что сегодня ночью был отбит налёт на Москву. Сегодня ждут. На небе облака. Всё время гудят патрули.

Мы производили страшный налёт на Берлин. Большие воздушные успехи в Восточной Пруссии.

Немцы сбросили десант в форме НКВД над Украиной. Переловили. Высадили десант возле Одессы. Перебили.

Сражение идёт с неослабевающей силой. Мобилизация идёт быстро. Введено военное положение.

Как стемнело на шоссе – поползли танки. Рокот стального приboя. Мимо ходят машины с погашенными огнями. Зенитки ещё не стреляли. Ждём. Возможно, к утру.

Что принесёт завтра?..

Бомбежки Москвы

23. VII

Утром я стоял на асфальте Бульварного кольца напротив Книжной палаты и смотрел, как догорает это знаменитое здание – творение архитектора Казакова. Догорала середина здания. Крылья были спасены от огня. На ступеньках валялась сваленная колонна. С неё была обита штукатурка, и обнажилось дерево. Здание, где останавливался в 1812 году маршал Даву, где жил офицер наполеоновской армии Стендаль, сделано из дерева и оштукатурено. Гитлеровская бомба обнажила его сущность. Несколько пожарников поливали дерево струями воды, искрящейся от огня.

Нас, наблюдающих картину пожара, было человек двадцать. Я посмотрел на лица окружающих меня людей. Усталые и утомлённые. На многих лицах копоть и размазанная сажа. Они всю ночь гасили пожары и боролись с первыми зажигательными бомбами, упавшими на город.

Подъехали два мотоциклиста. Крестьянские, здоровые лица. За спиной заливчатски переброшены автоматы. Подъехали и лихо спешили. Так спешиваются замечательные джигиты. Один из них поправил подбородочный ремень стальной каски, посмотрел на меня.

– Что горит, товарищ?

– Книжная палата...

– Книги вывезли? – спросил он по-хозяйски.

– Не знаю...

Вмешался дворник в брезентовом винцерате, очевидно, старожил этих мест.

– Вывезли. Сам видел. Ещё бы не вывезти. Ведь всех книжек по две штуки сдавали сюда. Всех, которые выходят по всей стране... Мало того, что книги, даже афишки всякие, программки... словом, всё...

– Деревянное, – сказал мотоциклист, нажимая на педаль стартера, – буза... Новое построим.

– Это архитектура Казакова, – сказал я, – в этом здании останавливались маршал Даву и Стендаль.

– Всё равно построим. Буза... Деревянное...

Мотоциклист укатил вниз. Налево подъехала группа сапёров и принялась выковыривать бомбу, упавшую на углу и не разорвавшуюся. Они окружили место работ кольями, на которые натянули канат. Сапёры весело пересмеивались, называли бомбу «дура» и т. п. Кто-то сказал, что это бомба замедленного действия и может взорваться неожиданно.

– Пустое дело, – сказал весёлый паренёк, откидывая землю, – психотерапия...

Он смачно произнёс это слово. Лопата цокнулась о что-то металлическое.

– Кажись, добрались, товарищи... Ого... На два дни хватит ковыряться.

– Какой вес? – спросил старичок, идущий на работу.

– А тебе зачем, папаша?

– Рядом живу.

– А... Видать, килограммов пятьсот потянет. Далеко живёшь?

– Рядом, – указал старик.

– Счастье, папаша, – ответил сапёр, – теперь сто лет жить будешь. Вторую такую, да ещё рядом, не угадать...

Мы смотрели по направлению зоопарка. Там, на уровне Красной Пресни, поднималась и густо шла к небу огромная борода дыма. Дым был чёрный, густой и высокий. Кто-то сказал, что горят толевый завод и «Лакокраска». По Кольцу горели ещё дома. Напротив Книжной палаты догорал этаж деревянного дома. Пожарные кончали тушить. Оставался целый подвал.

Там жили люди. Они пришли, открыли форточки, собрались на работу. Кто-то умывался в садике. Ему поливала девочка лет восьми. На траве и под деревьями лежали перинки, самовар, книги, этажерка, кровать. Тут же на костре из взятых с пожара обуглившихся досок женщина варила картофель, заглядывая в котелок. Старуха стояла у пожарища и плакала. Мужчина в рабочей спецовке подошёл к ней. «Не плачь, мама...» Постоял и отошёл прочь, бросив затуманенный взгляд на пожарище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.